

УДК 947(571:438)

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНСТАНТА В СИСТЕМЕ
ЖИЗНЕСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ:
ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ПОЛЬСКИХ МЕМУАРИСТОВ**

Сибирская академия государственной службы,
г. Новосибирск
e-mail: tatned@mail.ru

В статье предпринят анализ мемуарного наследия поляков, побывавших в Сибири. Охарактеризованы основные направления в его изучении польскими научными школами: Варшавской и Вроцлавской. Сделан вывод о современном состоянии проблемы.

Ключевые слова: дневниковые записи, «сибирская тема», «польские сибиряки», мемориальное наследие.

Мемуаристика в Польше является одним из самых приоритетных для изучения направлений (как фиксация личностного восприятия, как метод научного познания, наконец, как особый род литературы, получившей название «сибирской»). В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи максималь-

ного охвата всего мемуарного наследия «польских сибиряков», как называли и называют сегодня в Польше всех тех, чья судьба в какой-то момент была связана с Сибирью. Отбор произведений осуществлялся с целью выявления конфессионального компонента в системе жизнесохранительного поведения во время

пребывания их в Сибири. Личные впечатления автора, стремление передать читателю собственные оценки, наблюдения и размышления – таковы критерии отнесения письменных источников к категории мемуаров [1, с. 25]. До недавнего времени этот массив исторических произведений был представлен только на языке оригинала. Визуальное знакомство с ними стало возможным благодаря серии научных симпозиумов, организованных Центром восточных исследований Вроцлавского университета. Перевод ряда сочинений на русский язык и их публикация были осуществлены Б.С. Шостаковичем [2]. Систематизация письменного наследия представлена также в польско-русском научном сборнике «Сибирь в истории и культуре польского народа» [3], издание которого было предпринято Конгрессом поляков в России.

В Польше существуют два мощных исследовательских центра – в Варшаве (на базе Исторической комиссии Польской академии наук) и Вроцлаве (Центр Восточных исследований Вроцлавского университета), аккумулирующих, классифицирующих, издающих литературу мемориального жанра. Варшавский коллектив авторов под руководством проф. В. Сливовской представил в 1992 г. антологию, являющую собой собрание дневниковых записей и корреспонденции в трех частях: «Заговорщики и повстанцы (XVIII в. – 1860 г.); Январское восстание; Поколение непокорных. Семидесятые годы XIX в. – 1914 г.» [4, 580 с.; 5, с. 287–288]. Достоинствами вышеуказанного труда являются его комплексность, фундаментальность, обращение к библиографии публикаций «сибирской темы»; опубликованы фрагменты дневниковых записей, ставших раритетами не только для иностранного, но и для собственно польского исследователя. Вроцлавская школа также представила антологию «Сибирь. Четыреста лет польской диаспоры» под научной редакцией проф. А. Кучинского [6, 435 с.]. Ценность этой работы – в трогательно-уважительном, бережном отношении к историческому источнику, каким является дневниковая запись или письмо, отправленное семье из далекой Сибири.

Первое подробное описание племен, населявших Сибирь, составил о. Фаустин Цицерский, приор (настоятель) Виленского монастыря доминиканцев, прибывший к ссылке в Даурию (Забайкалье) в 1797 г. В окрестностях Нерчинска Цицерский прожил четыре года, в течение которых создал местный минералогический музей, часть экспонатов затем перевез в Вильно и передал в дар Виленскому университету. Наибольшую ценность, однако, представляет «Дневник ксендза Цицерского, приора монастыря Ордена св. Доминика в Вильно, в котором содержатся воспоминания о пережитом им и его товарищами в Сибири в 1797–1801 гг.» [7, с. 133–143]. Повествование о повседневном бытии в Даурии одной из своих целей преследует стремление приобщиться к когорте исследователей Сибири, что на рубеже XVIII–XIX вв. было чрезвычайно модно и остроактуально в связи с малоизученностью этих территорий.

Польский историк Ян Зюлек исследовал и обобщил большое количество мемуарного материала из собрания архива ордена доминиканцев в Кракове,

библиотеки Люблинского католического университета; однако сделанные им выводы довольно категоричны. «Тяжелые условия и отнимавшая все силы работа не стали препятствием, напротив, в каторжных тюрьмах верующие еще больше стремились к религиозному общению. Изгнанники искали утешения в службе и совместной молитве, в чем им помогали священники – их же товарищи по несчастью» [8, с. 139]. Из дневниковых записей И. Менжинского, к которым обращался Я. Зюлек, мы можем узнать, что на Александровских рудниках «святая месса отправлялась каждое воскресенье и в каждый праздник, мессы были тихие и с песнопениями» [9, с. 89]. С горечью замечает другой ссыльный, Юзеф Калиновский, в своем письме из Томска к семье: «Одно из моих глубочайших переживаний связано с безразличием моих товарищей в вопросах веры» [8, с. 139].

Поскольку одним из основных мотивов ссылки в Сибирь в понимании участников восстаний было «преследование за дело веры», то часто конфессиональная принадлежность широко не афишировалась. «В Александровской тюрьме, по инициативе отца Мокшицкого, доминиканца из Вильно, в одной из больших камер, где содержались заключенные, в окне были сделаны едва заметные дверцы, за которыми помещался алтарь» [8, с. 139].

В 1818 г. «Полоцкий ежемесячный журнал» опубликовал репортажи (письменные отчеты) священнослужителей Тадеуша Машевского¹ и Марцелия Каминского² об увиденном в Сибири. В Иркутске иезуиты находились с 1811 по 1819 г. (в 1811 г. их направили по правительственному поручению «для оказания пастырской помощи тамошним католикам», а в 1820 г. последовала ликвидация иезуитского ордена). Марцелий Каминский сообщал:

28-го декабря прошедшего года [1815. – Т. Н.] вместе с Козакевичем, товарищем моим, и одним солдатом, который был придан мне для безопасности, мы выехали из Томска и, проехав 400 верст, на рассвете 31-го дня того же месяца прибыли в Барнаул. ... Основательно построенные дома, улицы довольно удобные и ровные, есть одна каменная церковь в новом вкусе и несколько деревянных. Все купеческие лавки и казенные заведения довольно большие и заметные. Домов здесь, кроме казенных, будет до тысячи, и они тянутся вдоль Барнаулки. Климат здесь довольно мягкий, здесь хорошо растут не только овощи, но даже лекарственные травы и редкие заграничные растения, которые можно видеть в ботаническом саду при казенной аптеке.

О потенциальной пастве говорилось: «По эту сторону гор живут обычные раскольники, известные под именем поляков. Деда некоторых из них были католиками, а их внуки, общаясь с раскольниками, следуют за их ошибками; живут все богато, во многих местностях есть пасеки. Климат гораздо мягче, чем в Томске» [10, с. 82–83].

Тадеуш Машевский проехал дальше на восток, официальный характер своей миссии он подчеркивал в повествовании: «16 июня прибыл я в Удинск... Его

¹ Miesięcznic Połocki. 1818. T. 2, № 8. S. 298–306.

² Ibid. T. 1, № 1. S. 63–69.

превосходительство вице-губернатор этого города, принявший меня со всей вежливостью, уведомил нас, что по дороге в Кяхту и в самой Кяхте проживает много католиков». О главной цели своего путешествия Машевский высказал следующим образом:

Дня 18-го июля я выехал из Читы и, проехав 94 версты, узнал, что все новые поселения, где можно было найти католиков, кроме трех иных, находившихся по пути в Нерчинск, остались в стороне. Поэтому я решил, что нам надо ехать в Нерчинск, а оттуда прямо к китайской границе, к Чиндантской и Акшинской крепостям, где и следует искать заблудших овечек. 19-го того же месяца прибыли мы в одно из трех упомянутых поселений под названием Баиандара. Откровенно говоря, милостивый государь, ни разу в жизни не пришлось мне пережить такого сожаления и веселья. Сожаление мое было вызвано голодом, наготой, нищетой и бедностью здешних жителей; радость же, именно радость, вызванная моим приездом, чтобы описать которую, достаточно сказать, что много времени нужно для радостных слез и рыданий, на вознесение благодарности Богу и Монарху за их милости, которых они никогда не ожидали... Столь же успешной была поездка в два других поселения – Уненкерку и Чиронское, где я нашел 33 католика. Исполнив здесь свои обязанности и утешив, насколько это было возможно, этих находившихся в плачевном состоянии людей, 24-го числа я отправился в Нерчинск [10, с. 81–82].

После официальной ликвидации ордена иезуитов в 1820 г. в Якутск были направлены бернардинцы; их миссия завершилась в 1856 г. Об отсутствии большого желания ехать в Сибирь свидетельствуют письма священников Ремигия Апанашевича, Анастасия Игнатовича, Модеста Ромашкевича, хранящиеся в рукописном собрании Национальной библиотеки Украины (в Киеве). Игнатович пишет:

Объезжал колонии, или поселения, тамошние заводы, где принимали меня со всей любезностью не только свои, католики, но и русские начальники, которые из России приходят и знают наш орден – ведь в Сибири больше начальства из самой России, чем местного, из сибиряков. ... Католиков у нас в Иркутской губернии более тысячи [10, с. 78–79].

В следующем письме, адресованном из Иркутска доктору теологии Бенедиктинского ордена от 10 декабря 1821 г., Игнатович оправдывается:

Его преосвященство отец провинциал выговаривает мне за то, что я не все рудники объехал. Но объезжать их все нет никакой нужды, и денег прогонных на это не отпускается, поскольку туда только доезжаем, где есть наши католики [10, с. 78].

В последние четыре десятилетия XIX в. сформировалась ситуация, когда не требовалось воли правительства, чтобы направить католических священников в Сибирь для выполнения профессиональных обязанностей: достаточное, даже избыточное их количество оказалось в сибирской ссылке и на поселении в качестве участников восстаний за независимость Речи Посполитой. После Первой русской революции и последовавшей за ней амнистии правительству снова пришлось задуматься о духовном призрении граждан, в том числе и «польских сибиряков». 2 февраля 1908 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин выдал разре-

шение польским представителям конгрегации редemptористов на проведение миссий в Сибири. Мнение Столыпина было определено утилитарной целью – поддержание устоев христианской нравственности. Назначение получили три священника: о. Владислав Богосевич из Варшавы, о. Мартин Нуцковский из Подгужа и о. Юзеф Палевский из Мостиск; их отчеты отложились в архиве ордена редemptористов, а впоследствии были размещены на сайте конгрегации³.

Что отметили редemptористы в своих отчетах по окончании командировки?

1. Официальную легитимацию их деятельности. Из Варшавы выехали 27 мая 1908 г., прибыли в Министерство иностранных дел в Санкт-Петербурге, где получили личное разрешение на проведение «миссий».

2. Разную степень активности прихожан, в зависимости от времени проживания в Сибири и мотивов переселения. «Старые ссыльные тянулись к костелу, чего нельзя было сказать о сосланных после 1905 г. Только немногие из них приходили на миссии. ... Католики-белорусы и латыши с удовольствием приходили на миссии, но исповедовались по-русски».

3. Благоклонное отношение местных властей. «По сравнению с преследованиями в Польше и Литве подобная практика выглядела странно». Чем объясняли для себя такое отношение? «Правительство не боялось католицизма в Сибири, поскольку связанный с ним польский элемент терялся здесь в море православия». Вспоминают о том, что в Тобольске они встретились с губернатором, который «встретил вежливо и обещал помочь в случае необходимости». Состоялась аудиенция с губернатором и в Томске.

4. Результат. «Многие только во время миссий признались в том, что они католики», восприняли приезд редemptористов в Сибирь как знак внимания к единоверцам, «пришли к выводу, что теперь им будет легче жить, так как они увидели, что вдали от Родины Бог есть и заботится о них»⁴.

О мемориальном наследии польских ссыльных, побывавших в Сибири, В. Сливовска отзывается следующим образом: «Раритетом можно считать опубликованную переписку ссыльных, среди них – чрезвычайно интересное письмо из Иркутска, написанное ксендзом Кшиштофом Швермецем, которое было опубликовано Софией Трояновичевой (Tygodnik Powszechny. 1989. № 1. S. 4), ... дневник омского священника Яна Сероцинского» (Spoleczenstwo polskie i proby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. Wroclaw, 1984. S. 551–561)» [4, с. 282–283]. С мнениями Швермеца и Сероцинского нам познакомиться, к сожалению, не удалось: возможности исследователя из Сибири, увы, ограничены. Тем ценнее оказалось для нас знакомство с краковским изданием (на польском языке) письменного наследия священнослужителей, которые в той или иной мере были причастны к реалиям сибирских приходских будней. Опубликовано подробное письмо томского настоятеля Иосифа Демикиса, датированное

³ Ноцунь Э. Миссии редemptористов в Сибири в 1908 году / пер. с польск. яз. Г. Гайса. URL: http://cssr.redemptor.ru/misje_main.htm (дата обращения: 24.08.2008).

⁴ Ноцунь Э. Миссии редemptористов в Сибири...

1911 г. [11, с. 241–253], а также путевые записки епископа Иоанна Цепляка, побывавшего в Сибири в 1909 г. с «душепастырской визитацией» в качестве исполняющего обязанности руководителя Могилевской архиепархии [12, с. 99–122]. И томский настоятель Демикис, и епископ Цепляк оказались едины во мнении, что физическое выживание в Сибири могло бы быть более тяжелым, если бы ссыльные не встретили поддержки со стороны «духовных властей». Крестьяне-повстанцы, со своей стороны, вторят священнослужителям в своих воспоминаниях, опубликованных в краковском сборнике в 1983 г. [13].

Рубеж XX–XXI вв. оказался плодотворным для осмысления поляками мемуарного наследия, его широкой публикации и популяризации. В 1993 г. в варшавском Музее независимости («Muzeum Niepodległości») была основана «Kolekcja Sybiracka» («Сибирская коллекция»). Там же, в Варшаве, «Союз сибиряков» стал издавать на пожертвования читателей ежеквартальный журнал «Zesłaniec. Pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków». На его страницах мемуаристика нашла отражение в нескольких формах.

1. Публикация воспоминаний собственно участников событий (по материалам архивных коллекций, из собраний библиотеки Оссолинских во Вроцлаве) [14, с. 57–78; 15, с. 17–44].

2. Публикации исследовательского плана. Повествование ведется автором о членах своей семьи, о «кровных», т. е. близких родственниках. Автор – профессиональный историк либо энтузиаст-краевед, применяющий методы исторического описания. В таких статьях имеется научный аппарат, демонстрируется знание контекста происшедших событий, автор ссылается на аналогичные исследования других историков. К такого рода «мемориям» относится рассуждение Марии Радомской о Францишке Дионизии Радомском и его потомках [16, с. 57–66].

Тема мемориального наследия «польских сибиряков» на данном этапе развития исторической науки в Польше разрабатывается достаточно активно; однако явной лакуной остается практически полное отсутствие мемуаров «сибирских поляков». Первые шаги в данном направлении предпринимает редакция журнала «Новая Польша», выходящего в Варшаве на двух языках – польском и русском. Польская академия наук выступила инициатором проведения в октябре 2009 г. в Москве научной конференции, посвященной осмыслению разносторонних аспектов мемориальной памяти польского и русского народов [17]. «Проблема мемориализации как концепция культурного ядра» [18, с. 46–48], «Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения» [19, с. 8–9] – таковы сегодня актуальные темы в мемуаристике. Показателен встречный интерес в изучении и осмыслении актуальных проблем; в частности, «зеркальным отражением» темы нашего исследования стала публикация «Православие в Польше: проблема сохранения групповой идентичности в условиях католической среды» [20, с. 105–106].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.
2. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., перевод, вступл. и предисл., ком. Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. 724 с.
3. Сибирь в истории и культуре польского народа / ред., вступл. и предисл. А. Кучиньского, Б. Шостаковича. М., 2002. 578 с.
4. *Brus A., Kaczynska E., Śliwowska W.* Żesłanie i katorga na Syberii. Warszawa, 1992. 580 s.
5. *Сливовская В.* Старые и новые исследования судеб польских ссыльных в Сибири: их место в истории и культуре // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 278–290.
6. *Kuczynski A.* Syberia: Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1993. 435 s.
7. *Cieciński F.* Pierwsze zbliżenia // Syberia: Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1993. S. 133–143.
8. *Зюлек Я.* Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 135–145.
9. *Мężyński I.* Wspomnienia z powstania styczniowego i syberyjskiej katorgi 1863–1869. Tarnopol, 1910. S. 89. – Цит. по: *Зюлек Я.* Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 139.
10. Цит. по: *Вернерова В.* Сообщения польских миссионеров о Сибири (начало XIX века) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 75–83.
11. *Demikis J.* Raport księdza Jyzeфа Demikisa z Tomka – 1911 // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / Wybrz tekstyw i opracowanie ks. Marian Radwan SCJ. Kraków, 1999. S. 241–253.
12. *Cieplak J.* Wizytacje duszpasterskie księdza biskupa Jana Cieplaka na Syberii w 1909 roku // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / Wybrz tekstyw i opracowanie ks. Marian Radwan SCJ. Kraków, 1999. S. 99–122.
13. *Wspomnienia chłopów-powstańców 1863 roku / Opr. E. Kozłowski.* Kraków, 1983. 337 s.
14. *Piotrowski R.* Udana ucieczka // Żesłaniec. Warszawa, 2006. № 26. S. 57–78.
15. *Turczyński B.* Moje wspomnienia // Żesłaniec. Pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2006. № 26. S. 17–44.
16. *Radomska M.* Franciszek Dyonizy Cywiński – członek Spisku Braci Dalewskich w Wilnie i jego potomni // Żesłaniec. Warszawa, 2009. № 38. S. 57–66.
17. Россия и Польша: долг памяти и право забвения : Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 окт. 2009) : тез. докл. М., 2009. 120 с.
18. *Лутнович Ю.Э.* Проблема мемориализации как концепция культурного ядра // Россия и Польша : долг памяти и право забвения М., 2009. С. 46–48.
19. *Бентковский М.* Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения // Россия и Польша: долг памяти и право забвения / М., 2009. С. 8–9.
20. *Харченко Н.А.* Православие в Польше: проблема сохранения групповой идентичности в условиях католической среды // Россия и Польша : долг памяти и право забвения / М., 2009. С. 105–106.